

общего плана диалогии, ориентируя многие содержательные моменты «Братьев Карамазовых» на органически связанный с ними единым творческим замыслом второй роман. В связи с этим есть основания считать, что в композиционной структуре диалогии он тоже добивался бы симметрии, гармонического уравнивания обоих романов, распространяя этот принцип на все основные элементы конструкции.

В основном сюжете «Братьев Карамазовых» герой жизнеописания Алеши, играя внешне второстепенную, скорее, созерцательную роль, являлся однако, неким внутренним центром тяготения, притягивающим к себе всех главных сюжетно-активных персонажей. Во втором романе этот духовный центр как бы материализовался: созревший Алексей Федорович Карамазов становился в центре сюжетного развития романа, главным его действующим лицом. Симметрично располагались по отношению друг к другу (а это не только композиционное, но и более глубокое, смысловое значение) сюжеты двух романов: основной сюжет первого — отцеубийство, основной сюжет второго — совершаемое главным героем «политическое преступление». Соответственно местом действия должен был стать уже не маленький провинциальный городок — Скотопригоньевск «Братьев Карамазовых», а, скорее всего, столица — Петербург, куда, очевидно, и попадает Алеша («скоро я здешний город покину, может быть, очень надолго», начинает он свою финальную речь мальчишкам).

В убийство старика Карамазова были вовлечены в той или иной степени все его сыновья (это соответствовало этико-философской концепции автора: все перед всеми за всё виноваты): убил Смердяков, но хотел и мог убить Митя; не только моральным виновником убийства, но и его прямым пособником был Иван (полусознавая это, оставил поле действия Смердякову). Но так же, хотя бессознательно, поступил и Алеша, который, будучи поглощен своими кризисными переживаниями, забыл завет Зосимы — быть неотлучно при брате. В той или иной мере должны были быть вовлечены в основной сюжет второго романа и почти все основные персонажи первого, которые, по свидетельству вдовы писателя, снова в нем появлялись. Задумывая новый роман еще в 1874 г., Достоевский в одной из своих рабочих тетрадей так намечал его план: «... один брат — атеист. Отчаяние. Другой — весь фанатик. Третий — будущее поколение, живая сила, новые люди. <...> И — новейшее поколение — дети»³². «Третий брат» очень напоминает Алешу, новейшее поколение, дети — тех мальчишек», во главе с Колей Красоткиным, которые появляются в «Братьях Карамазовых» и которым, конечно, предназначена, наряду с самим Алешей, активная роль во втором романе. Столь же конденсированным, как и в первом романе — «Братьях Карамазовых», — сжатым до предела и до предела же трагически перенасыщенным было бы, вероятно, и время развития основного сюжета во втором романе диалогии.

Конечно, все, что здесь сказано, имеет в виду замысел диалогии — ее второй части, «главного романа», — как он складывался у писателя во время работы над «Братьями Карамазовыми». Пушкин признавался, что в ту пору, когда он слагал первые главы «Евгения Онегина», он «даль вободного романа еще неясно различал». И понятно. Первый русский роман о современности, художественно-реалистически воссоздававший динамическое развитие ее, писался им в течение почти восьми лет, в ходе которых произошло такое центральное внутрисполитическое событие, как восстание декабристов и его разгром, наложившее резкую печать на бытие и знание современников и оказавшее сильнейшее влияние на дальнейший ход шедшего в ногу с жизнью пушкинского романа в стихах. Достоевский, отодвинув действие первого романа на 13 лет назад, а во втором на-

³² «Литературное наследство», т. 77, «Наука», 1965; стр. 69.